

Рахимов Рамиль Насибуллович*, старший научный сотрудник Центра гуманитарных исследований РИСИ, кандидат исторических наук.

Западные мифы о народах России: от "диких башкир" к "полуазиатским ордам"

Современные западные СМИ активно отождествляют политику России с "азиатской политикой", считая россиян "не европейцами". При этом авторам публикаций кажется, что всё это естественным образом вытекает из российской истории и должно восприниматься как присущее только русским (россиянам) и неисправимое. Боязнь "непредсказуемых и агрессивных" русских наполняет конфронтационными коннотациями общественно-политические и культурологические дискурсы: Россия – евроинтеграция, Россия – НАТО, образы России у европейцев и особенно в Польше и странах Балтии. Однако *внимательное знакомство с историей показывает, что страхи, формируемые и проецируемые западными СМИ, на самом деле опираются не на прошлое, а на миф. Причём миф, созданный самими европейцами и ими же культивируемый.*

В настоящей статье мы хотели обратить внимание на механизм возникновения и развития одной из таких конструкций, а именно – мифа о башкирах как представителей "дикого народа" России, трансформировавшегося к началу XX в. в образ "полуазиатской орды". Башкиры стали первопричиной этих идей потому, что они в большом количестве и наиболее часто участвовали в европейских войнах XVIII – первой половины XIX вв.

Башкиры – тюркоязычный народ, живущий на Южном Урале, в настоящее время насчитывает около 1,4 млн человек. Во второй половине XVI в. они добровольно вошли в состав России, приняв обязательства нести военную службу и платить ясаk. Со своей стороны государство обещало им сохранить ислам в качестве религии, местное самоуправление и вотчинное право на земли, что подтверждалось всеми российскими самодержцами. В XVIII в. на юго-восточной окраине в результате деятельности Оренбургской экспедиции была создана Оренбургская пограничная линия, которую охраняли башкиры, казаки, солдаты регулярной армии, мецгеряки (современное название – мишари, этносословная группа татар), тептяри (полиэтничное сословие, состоящее из народов Поволжья), ставропольские калмыки (крещёные). Все эти военно-служилые сословия участвовали в войнах России XVIII – первой половины XIX вв. Военная служба башкир, мишарей, тептярей, ставропольских калмыков нашла

---

* rakhimovrn@mail.ru.

отражение в историографии¹. В ряде публикаций рассматривается трансформация образа башкир в эпоху наполеоновских войн².

Предысторией мифа можно считать поход Атиллы, а также вторжение монголов во главе с Батыем в Восточную и Центральную Европу в XIII в., сохранившиеся в исторической памяти её народов. Первые столкновения поляков с башкирами относятся к Смутным временам XVII в., шведы встретились с ними, а также калмыками и татарами через 100 лет, во время Северной войны.

Первой военной кампанией национальной конницы в Европе стала Семилетняя война 1756–1763 гг. В боевых действиях тогда участвовали волжские калмыки, в составе армии была сформирована "четырёхнародная команда" состоявшая из 531 башкира, 519 мишарей, 516 крещённых калмыков и 500 казанских татар³. Она участвовала в боевых действиях на территории Пруссии, в сражении при Гросс-Егерсдорфе, затем несла службу в Новгородской губернии до 1758 г.

Если обратиться к запискам очевидцев тех событий, то А. Болотов отмечает, что национальная конница воевала "против всех военных правил"⁴. И. фон Архенгольц, автор одной из первых монографий об этой войне, написанной с позиций апологии Фридриха Великого, показывает иррегулярные войска русской армии как безжалостных убийц, насильников, грабителей и разорителей мирных жителей⁵. Что же было на самом деле?

В начале июня 1757 г. русские войска вошли в Пруссию, 2 августа под Инстербургом с армией соединилась иррегулярная конница, шедшая под командой генерал-аншефа Сибильского. А. Болотов описывает

¹ Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года / А. Н. Усманов. Уфа : Башкортостан, 1964. 135 с.; Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.) / А. З. Асфандияров. Уфа : Китап, 2005. 256 с.; Шовунов К. П. Во славу Отечества / К. П. Шовунов. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1990. 61 с.; Максимов К. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах / К. Н. Максимов, У. Б. Очиров. Элиста : Джангар, 2012. 519 с.; Рахимов Р. Н. История тебтярских конных полков. 1790–1845 гг. / Р. Н. Рахимов ; Федер. агентство по образованию, Башк. гос. ун-т. Уфа : БашГУ, 2007. 242 с.; Рахимов Р. Н. Национальная конница императора Александра I в наполеоновских войнах. 1807–1814 гг. / Р. Н. Рахимов. М. : Клио, 2013. 104 с.

² Рахимов Р. Н. Азия в европейском пространстве: "дружья степей" в дискурсе наполеоновских войн / Р. Н. Рахимов // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта : материалы Третьих международных научных чтений "Мир и война: культурные контексты социальной агрессии" и научной конференции "Мир и война: море и суша" / отв. ред. И. О. Ермаченко. М. ; СПб. : ИВИ РАН, 2007. С. 141–144; *Его же*. Башкиры в наполеоновской Европе // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов. М. : Модест Колеров, 2007. Т. 4. С. 58–74; *Его же*. Образ башкир у европейцев и в российской культуре // История башкирского народа : в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. СПб. : Наука, 2011. Т. 4. С. 325–328; Попов А. И. "Северные амуры": иррегулярные войска России в восприятии наполеоновских воинов / А. И. Попов // Панорама Евразии. 2012. № 2 (10). С. 3–10.

³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 248. Оп. 113. Д. 410.

⁴ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков : 1738–1793 / А. Т. Болотов. СПб. : Печатня В. Головина, 1870. Т. 1. Стб. 476.

⁵ Архенгольц И. В. История Семилетней войны / И. В. Архенгольц. М. : АСТ, 2001. С. 82.

прибытие "четырёхнародной команды" следующим образом: "Они нам показались весьма странны, а особливо, когда они разъезжали мимо нас полунагими и продавали плетёные свои плети, которые они превеликие мастера делать. Платье на них было по большей части лёгкое, красное, суконное, но они его никогда порядочно не надевали"⁶. Он описал бытовые детали первых контактов с азиатскими народами русских солдат и офицеров. Питание кочевников юго-востока кониной вызывало у него "отвращение", мусульманское богослужение запомнилось следующим образом: "Несколько человек их духовных сидело, поджав по-татарски под себя ноги, вокруг шатра, подле пол, и всякой из них бормотал, читая книжку, и в том едином состояло у них всё богослужение"⁷.

Впереди армии в качестве авангарда шли лёгкие войска. Боевые действия, которые начали вести кочевники в Европе, резко отличались от уже сложившихся представлений европейцев о войне: "Между тем лёгкие отряды русских, в числе 12 000 человек казаков, калмыков и [волжских] татар, производили в стране столь ужасные опустошения огнём и мечом, каких Европа не испытывала со времени нашествия гуннов. Эти изверги убивали и калечили безоружных людей с сатанинским наслаждением. Их вешали на деревьях, отрезывали им носы и уши, отрубали ноги, распарывали животы и вырывали сердце из груди. Они зажигали из дикого сумасбродства сёла и местечки и оцепляли обречённую на сожжение местность, чтобы люди сгорели живьём. Могилы были разрыты, и кости покойников разбросаны, дворян и священников разрывали на части крюками, клали нагишом на горячие уголья и всячески терзали. У родителей отнимали детей или же убивали их тут же, над женщинами и девушками ругались; многие из них лишали себя жизни, чтобы избегнуть грубости этих палачей. Множество людей бежало в Данциг, куда перевезён был также королевский архив из Кёнигсберга"⁸.

Как справедливо заметил автор комментария к тексту В. Смольянинов, сложно оценить этот рассказ с точки зрения его правдивости. Нет сомнения, что иррегулярная кавалерия русской армии отличалась отнюдь не цивилизованным нравом – в отличие от регулярной. Так, например, граф С. Понятовский благодарил императрицу за указы, которые спасли принадлежащие ему земли от разорения во время прохода через Польшу шедшего из Украины корпуса казаков и калмыков⁹. Однако история о сплошном разграблении Восточной Пруссии, по мнению В. Смольянинова, выглядит пропагандистским приёмом, цитатой из какого-нибудь манифеста прусского двора, имевшего целью привлечь к Фридриху II сочувствие Европы. Г. Кретинин, исследовавший деятельность российских губернаторов в Пруссии в Семилетнюю войну, приводит множество фактов заботы российского правительства и его чиновников о местном населении¹⁰.

⁶ Болотов А. Т. Указ. соч. Стб. 477.

⁷ Там же.

⁸ Архенгольц И. В. Указ. соч. С. 82.

⁹ О делах текущих // Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 4 : Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. С. 111.

¹⁰ Кретинин Г. В. Российские губернаторы в Пруссии в Семилетнюю войну (1756–1763) / Г. В. Кретинин // Россия и Германия. М. : Наука, 1998. Вып. 3. С. 45–53.

Разумеется, конфликты между иррегулярной конницей и местным населением имели место, но они были только в первые дни вступления в Пруссию. Вот что пишет А. Болотов: "Как скоро вошли они в Пруссию чрез Олецко, то тотчас как сей город, так и Гольдап со множеством деревень разграбили дочиста, а деревни Монетен, Гарцикен, Данилен и Фридрихсгофен совсем обратили в пепел, умертвив притом и великое множество людей"¹¹. Об этом упоминает и А. Прозоровский: "Продолжая таким образом поход свой во внутренность Пруссии, чувствовали мы, и паче ещё, недостаток фуража, который тем был несноснее, что происходил от поведения описанных мною лёгких войск и отряжаемых от армии и самовольных фуражиров, которые невзирая на строжайшее от фельдмаршала запрещение с начала вступления в сию землю жгли и разоряли деревни. Устрашённые через то жители, оставляя свои жилища, уходили в леса, защищались там засеками, от чего армия имела вокруг себя одну только пустыню, в которой ничего нужного сыскать нельзя было"¹². Этот факт подтверждает и указ от 31 декабря 1757 г., в котором Елизавета Петровна сожалеет о том, что некоторые места "были выжжены и опустошены". Отзвуком этих конфликтов был пункт в "Инструкции о фуражировании в Пруссии" генерал-губернатора Пруссии В. Фермора Н. Корфу: "Кроме фуража в деревнях и крестьянского скарбу никому ничего не брати, деревень не жечь и грабительства не чинить и лошадей тем отнюдь не отягощать под опасением положенного штрафа, что с оными яко с изменниками поступлено будет, а буде посторонних команд в таком преступлении застанут, то брать и приводить с собой под крепким караулом"¹³.

Эту ситуацию очищения захваченной местности огнём и мечом командование не предвидело заранее. Проблема не была связана с отсутствием дисциплины у иррегулярных войск. Для национальной конницы боевые действия ассоциировались с набегами против степняков, тактикой ведения войны в степи, которую они проецировали на немецкое население. Наложились две философии войны – европейская и азиатская. Времени для "просвещения" национальной конницы в отношении европейцев было достаточно в течение первой половины 1757 г., но никто об этом не подумал, считая, что её представители будут полностью подконтрольны офицерам регулярной армии, в том числе и в рамках военной дисциплины. Поэтому каких-либо крупных задач для иррегулярной конницы (казаков и национальных частей) командование старалось не ставить, заменив их службой на аванпостах, разведкой, набегами небольших партий¹⁴.

Конфликты в определённой мере были спровоцированы и противником. Перед самым началом войны Фридрих Великий, с презрением отзываясь о российской регулярной армии, опасался лишь "татарского

¹¹ Болотов А. Т. Указ. соч. Стб. 476–477.

¹² Прозоровский А. А. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776) / А. А. Прозоровский. М. : Редакция альманаха "Российский архив", 2003. С. 44–45.

¹³ Кретишин Г. В. Указ. соч. С. 49. Автор статьи на с. 68 приводит и примеры наказания военных за различные проступки в отношении местного населения.

¹⁴ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну : в 3 вып. / Д. Ф. Масловский. М. : Тип. Окружного штаба, 1886. Вып. 1 : Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). С. 54.

набега" в Восточную Пруссию. Для его отражения им была создана милиция, имели место случаи её нападения на отдельных всадников. Это и озлобляло казаков и представителей национальных частей¹⁵.

Калмыки, башкиры, татары вели войну так, как её себе представляли. Соппротивление прусской милиции, т.е. не армии, а местных жителей, привело к эксцессам в отношении всего населения. Виновны здесь были сам Фридрих и русское командование, которое рассматривало иррегулярный компонент (казаки и национальные части) как армейский. Сразу после первых дней кампании русским командованием были сделаны правильные выводы, и война вошла в "европейские нормы". Даже после Семилетней войны в западных исторических сочинениях казаки, калмыки и башкиры описывались как дикие орды насильников.

В 1790 г. возникла опасность военных действий с Пруссией и заключившей с ней союз Польшей. В ожидании войны на российско-польской границе была создана Двинская армия, имевшая задачей защиту Прибалтики от возможных действий противника. Рескриптом Екатерины II из Оренбургского корпуса были направлены в Белоруссию 4-й Башкирский и 1-й Мещеряцкий полки. Там они занимали линию между Полоцком и Могилёвым¹⁶. Из Финляндии перевели 1-й Башкирский полк, команды оренбургских казаков и ставропольских калмыков.

Исторические и этнографические познания о народах юго-востока России в Европе того времени были весьма оригинальными, и поляки в лучших традициях эпохи Просвещения представляли их как дикие народы Азии, описываемые в трудах европейских путешественников. В опубликованных письмах П. Левашова А. Румянцеву из деревни Старое Село в окрестностях Могилёва сообщается о поляках, что "всею больше они боятся башкир и прочих татарских войск, о которых носится у них слух, что ещё идёт сюда их много из-за Волги: тем больше они их страшатся, слыша, будто бы они лошадиное сырое мясо едят и кровью их запивают"¹⁷.

В последующих письмах П. Левашов сообщает, как изменилась обстановка в связи с нахождением башкир и мишарей на границе: "Прежде сего, когда наших войск здесь не было, господа польские жолнеры, около нашей границы делая разъезды, чрезмерно храбрились, и мне, как живущему на самой границе, не без заботы было. А ныне хвосты прижали так, что и не слышно об них, где они и что у них делается. Да и здесь в Белоруссии у многих мысли стали гораздо поспокойнее"¹⁸. Он отмечает, что "поляки гораздо более страшатся татарского имени, нежели регулярных войск, особливо видя наших башкир и мещеряков, что они едят лошадей".

Столкновение культур – европейской и восточной, ислама и католичества, разные кухни – польская и башкирская, особенно употребление

¹⁵ Масловский Д. Ф. Указ. соч. С. 152–153.

¹⁶ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 289. Л. 11.

¹⁷ Письма П. А. Левашова к графу А. Р. Воронцову. 1786–1791 // Архив князя Воронцова. М. : Тип. Лебедева, 1879. Кн. 14 : Бумаги графов Александра и Семёна Романовичей Воронцовых : письма князя Кочубея, графа Моркова, князя А. И. Вяземского, П. А. Левашова и И. В. Страбова. С. 463.

¹⁸ См.: Письма П. А. Левашова к графу А. Р. Воронцову. 1786–1791. С. 464.

башкирами и мишарями конины, привели к неожиданным результатам политического характера. С одной стороны, слух о том, что эти народы едят конину, как будто бы подтвердился. Другое дело, что поляки не обратили внимания на то, что конину башкиры и мишари варили, а не ели сырой.

П. Левашов описывает случившуюся осенью 1790 г. смешную, как он считает, историю между поляками и башкирами. Последние приобрели для продовольствия лошадей, зарезали её, "потом мяса довольно наварили и нажарили и кушали с превеликим аппетитом". Некоторые поляки, свидетели этого пиршества, стали спрашивать у них, как они могут есть лошадиное мясо, на что один из них (П. Левашов характеризует его как "большого шпына") сказал, что "они едят лошадей с большою охотою; а когда войдут в неприятельскую землю, тогда уже не будут есть лошадей, но жирных мальчиков ещё с гораздо лучшим аппетитом, а по нужде и взрослых"¹⁹. Эта шутка вызвала переполох. Поляки восприняли её всерьёз, стали прятать детей, считая башкир и мишарей людоедами. Затем слух о башкирах-людоедах стал распространяться по всей Польше.

Таким образом, ожидание ужаса получило своё "подтверждение". Неважно, что оно было абсурдным. Более того, в 1772–1773 гг. 3 тыс. башкир находились в Польше в составе российских войск, ведя боевые действия против Барской конфедерации. Разумеется, никаких случаев людоедства там не наблюдалось.

Тему башкир в это время буквально подхватила европейская пресса. В газетах того времени публиковались следующие пассажи, относящиеся к русско-шведской войне 1788–1790 гг. Так, И. Архенгольц писал: "Они [башкиры] грабили в русской и шведской Финляндии с большим успехом"²⁰; Гельбиг: "Тысячи башкир расположились между Нарвой и Ревелем, чтобы следить за высадкой шведских каперов. 400 человек маршировали через Петербург и направили свой путь в Финляндию. Имели они устрашающий вид, хорошо обращались со своими стрелами <...>. Их выступление в Финляндию стало причиной многих ужасов и большого ущерба; они ели сырое лошадиное мясо"²¹.

Если Гельбига заинтересовало несуществующее "поедание башкирами сырого мяса", то шведский король после заключения мирного договора попросил показать искусство стрельбы башкир из лука²².

Итак, именно во второй половине XVIII в. в Европе, непосредственно в Пруссии и Польше, начал складываться миф о "диких народах" России, представителями которых были башкиры, поедающие сырое лошадиное мясо и детей, кровожадные и безжалостные. Появление его было связано с военными действиями, внешнеполитической конфронтацией, активно раздувались слухи с помощью газет.

¹⁹ См.: Письма П. А. Левашова к графу А. Р. Воронцову. 1786–1791. С. 464–465. *Шпын* – насмешник, обладающий актёрскими способностями.

²⁰ Брикнер А. Г. Война России с Швецией в 1788–1790 годах / А. Г. Брикнер. СПб. : Печатня В. Головина, 1869. С. 175.

²¹ Там же. С. 176.

²² Оленин А. Н. Археологические труды Алексея Николаевича Оленина : в 2 вып. / А. Н. Оленин ; [изд. Импер. Рус. археол. о-ва]. СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1882. Т. II. С. 81–83.

В XIX в. наиболее массовым и длительным по времени был контакт европейцев с башкирами во время наполеоновских войн. Первыми их увидели французы, которые из-за характерного вооружения – луков и стрел, а также под влиянием стиля ампир прозвали башкир "северными амурами". Впервые оно, а также "злые купидоны", появилось в 1807 г. во время боевых столкновений русской и французской армий 4 июня при Веллау и при заключении мира в Тильзите²³. Это прозвище имело ироничный характер, но в ходе Отечественной войны 1812 г. приобрело уважительное значение. На карикатуре А. Венецианова "Северный Амур" главный герой – реалистично изображённый воин-башкир, от которого бежит один, а рядом лежат четверо поражённых стрелами французов²⁴. Заграничные походы 1813–1814 гг. расширили географическое пространство использования названия "северные амуры". Об этом нам сообщают мемуары М. Марбо²⁵. Известно также, что в 1814 г. в Париже французы называли башкир "сибирскими амурами" (*les amour de Sibirie*)²⁶. В русскую литературу "северный амур" вошёл через стихотворение К. Батюшкова "Странствователь и домосед", написанное в 1814–1815 гг. и опубликованное в 1815 г., и воспоминания Д. Давыдова "Тильзит в 1807 году", вышедшие в свет в 1839 г.²⁷

Комментарии в отношении башкир, калмыков, казаков со стороны французов, а затем и поляков были самые высокомерные. Например, полковник М. Комб рассказывал: "В перестрелке мы убили нескольких из этих башкир, и я никогда не видел ничего безобразней, чем эта раса людей"²⁸. "Мы увидели неисчислимую толпу казаков и башкир, которые в полном беспорядке заполнили равнину как стадо баранов"²⁹, – отмечал он. Польский улан К. Турно сообщал: "Толпы башкиров, калмыков и казаков обошли кругом эти неподвижные эскадроны, отрезая им обход и связывая их узлом. Три раза они повторяли атаку и три раза разбивались напротив линии, которая их отбрасывала. Более проворные казаки сыпали град пуль, и когда они в течение четырёх часов исчерпали свой пыл, бой прекратился и была демаскирована лёгкая кавалерия. Подготовившись, завывающая ватага, сделав поворот к лесу, который отделял нас

²³ Чуйкевич П. А. Подвиги казаков в Пруссии / П. А. Чуйкевич. СПб. : Медицинская тип., 1810. 124 с.; Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году / Д. В. Давыдов // Сто русских литераторов : [в 3 т.] / изд. книгопродавца А. [Ф.] Смирдина. СПб. : [Тип. Александра Смирдина], 1839. Т. 1. С. 294–296.

²⁴ См. карикатуру А. Г. Венецианова "Северный Амур" (После 1812 г., карандашная манера, акварель по собственному рисунку): Русские народные картинки / собрал и описал Д. А. Ровинский. СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1881–1893. Т. 2 : Листы исторические, календари и буквари. № 467.

²⁵ Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо / Марселен де Марбо. М. : Эксмо, 2005. 736 с.

²⁶ Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год / И. Т. Радожицкий. М. : В тип. Лазаревых Института восточных языков, 1835. Ч. 3 : 1814-й год. Война во Франции. С. 153.

²⁷ Батюшков К. Н. Странствователь и домосед / К. Н. Батюшков // Амфион. 1815. № 6. С. 317.

²⁸ Combe M. Mémoires du colonel Combe sur les campagnes de Russie (1812), de Saxe (1813), de France (1814 et 1815) / Michel Combe. Paris : Plon, 1896. S. 82.

²⁹ Ibid. S. 147.

от Гордеи, устремилась на левый фланг нашей развёрнутой линии; охватив этот фланг, она посеяла ужас и смерть в рядах 11-го и 2-го уланских"³⁰. Ж. Шевалье отмечал: "Кзаки некрасивы, грабители и воры <...>. Калмыки, вооружённые луками, стрелами и палицами, народ татарский, ещё более уродливый... Маленькие коренастые, кривоногие, они, кажется, созданы для лошадей"³¹. По свидетельству К. Вагвира (при Березине): "Кзаки и башкиры, как бешеные, носились кругом..."³² Буиссон, попавший в плен в 1813 г., вспоминал: "Калмыки и башкиры образовывали ополчение России. Они были привлечены, чтобы низвергнуть против Франции все самые дикие местности, её самые отдалённые пустыни, её самые невозделанные степи, включавшие людей, способных носить оружие. Но, великий Боже, какие это были воины! Какие варвары без законов, без узды, без дисциплины..."³³

Противник, причём проигравший войну, пытался и здесь показать своё мнимое превосходство. А вот свидетельства иностранцев, которые увидели в восточных народах России не дикарей, а дисциплинированных воинов. Например, Э. Арндт, немецкий поэт, который в 1812 г. отправился в Петербург, вступив предварительно в союз с немецкими патриотами в Берлине и Бреславле для организации совместной борьбы против Наполеона. В 1813 г. он вернулся в Германию, где воодушевлял немцев на борьбу с Наполеоном в стихотворениях и летучих листовках. Вот его впечатления о народах России в 1812 г.: "Тут мимо меня проходили и проносились вскачь разнообразные представители многочисленных народов России от Ледовитого океана и Урала до Волги и Чёрного моря, красивые татары из Кабарды и из Крыма, статные казаки с Дону, калмыки с плоскими носами, плоским станом, косыми ногами и косыми глазами, как за полторы тысячи лет описал Аммиан своих гуннов, и башкиры с луком и стрелами"³⁴. Как видим, ассоциации с гуннами оставлены, но с иными, восхищёнными коннотациями. Может быть, Э. Арндт видел народы России союзниками в войне, и его мнение было подчинено политической ситуации?

Тогда имеет смысл обратиться к французам. С. Рюппель, военнопленный офицер Великой армии, увидел в районе Волги осенью 1812 г. башкир: "Наш путь проходил через деревни, населённые черемисами, татарами, башкирами и также мордвинами, которые занимались пчеловодством, хорошие возможности для которого предоставляли плодородные степи. Несколько дней мимо нас друг за другом шли башкирские полки, которые как кавалерия представляли для меня особый интерес. В таком полку – 400–500 человек: все исключительно сильные, широкоплечие, со смуглыми монголоидными лицами, так что друг от друга их не отличить"³⁵.

³⁰ Турно К. Воспоминания польского офицера / Казимеж Турно // Воин. 2002. № 10. С. 47.

³¹ Попов А. И. Указ. соч. С. 4.

³² Там же. С. 6.

³³ Там же. С. 7–8.

³⁴ Из воспоминаний Э. Арндта о народах России в армии // Отечественная война 1812 г. : сб. док. и материалов / под ред. Е. В. Тарле. Л. ; М. : АН СССР, 1941. С. 34.

³⁵ Ruppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland, / Eduard Ruppel. Berlin : Paetel, 1912. P. 138.

Далее следует подробное описание вооружения и обмундирования. Он сообщает, вероятно, получив от сопровождающих лиц информацию о том, что "недавно у <...> кочевых народов, таких как калмыков, башкиров и др., ввели совершенно военную организацию, и прилежные инструкторы неотступно работают над тем, чтобы объединить этих диких всадников в регулярные эскадроны"³⁶. Отождествление с "дикими всадниками" в тексте присутствует, но сам тон описания объективный и спокойный. Как видим, главное – не с какой стороны смотреть, а что желать увидеть.

Возможно, башкиры и калмыки действительно вызывали страх и ужас не только у противника, но и у россиян? Как их воспринимали в это время в самой империи? На этот счёт есть свидетельства. Из сообщения газеты "Северная почта" из Вышнего Волочка от 18 октября 1812 г.: "Сего октября 3-го, 16-го и 17-го чисел прошли чрез наш город 3 башкирских полка, каждый из 500 человек, с полным вооружением и с множеством заводных верховых лошадей. Они следуют из Уфы, и соблюдаемый ими совершенный порядок военной дисциплины обратил на себя внимание здешних жителей, которые вслед за сими воинами воссылали усердные молитвы ко всевышнему о даровании им победы над врагами нашими"³⁷.

Конечно, не всегда было всё гладко, имели место конфликты между местным населением и представителями национальных войск, но они были эпизодическими³⁸. Известен случай попытки нападения русских крестьян на малороссийских казаков, поскольку первые, услышав незнакомую речь, подумали, что это французы, которые пытаются говорить на русском языке³⁹. Все эти конфликты опирались в основном на языковой барьер и различие традиций, но быстро разрешались.

Представители союзных стран и "русские" европейцы, оставаясь в системе координат Просвещения, не забывая указывать, что башкиры были "непросвещёнными" или "нецивилизованными", также отмечали, что они совершали поступки высоконравственные, патриотические, достойные восхищения. Английский генерал Р.-Т. Вильсон в своём письме от 13 октября 1812 г. сообщал о захваченном "одним из татарских

³⁶ *Rüppel E.* Op. cit. P. 167.

³⁷ Сообщения газеты "Северная почта" о пожертвованиях немцев Поволжья и о калмыцких и башкирских полках // Отечественная война 1812 г. : сб. док. и материалов / под ред. Е. В. Тарле. Л. ; М. : АН СССР, 1941. С. 37.

³⁸ *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мною самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение / И. М. Долгоруков ; отв. ред. В. П. Степанов. СПб. : Наука, 2005. Т. 2. С. 16; *Рахимов Р. Н.* Тыл и тяготы войны: взаимоотношения крестьян и национальной конницы в невоенных условиях в 1807–1812 гг. / Р. Н. Рахимов // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX веков: макро- и микропроцессы : сб. ст. / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. Оренбург : РЦРО, 2010. С. 448–454.

³⁹ *Трефолов Л.* Мнимые французы. Рассказы о Ярославской старине / Л. Трефолов // Русский архив. 1877. Вып. 5. С. 52.

полков" церковном золоте и серебре и о том, что мусульмане отказались брать церковное золото, считая это святотатством: "*Le beau sentiment*⁴⁰ ещё сохраняется здесь, и я мог бы написать толстую книгу об истинных происшествиях, кои посрамляют скарденность других, более цивилизованных наций"⁴¹.

Как свидетельствует генерал Н. Бороздин, в 1812 г. в походе башкиры часто приносили ему церковное серебро, отбитое у французов, хотя по обычаю оно уже являлось его собственностью (казакам, башкирам, калмыкам разрешалось забирать себе добычу, отбитую в бою, так называемый "дуван", за исключением знамён и пушек). "Вот, батька [*искаж. рус. – батюшка. – Прим. авт.*], серебра, прикажи взять. – Как взять? Да оно твоё, ты его отбил. – Да, батька, отбил, но он твой мечеть [*церковное серебро. – Прим. авт.*]. – Что же, ты его и возьми, оно тебе теперь принадлежит. – Нет, батька. Магомет убьёт. Вот, видишь, собака-француз умирает (показывает тут же на дороге лежащего и умирающего француза), видишь, батька, он умирает за то, что мечеть ваш ограбил!"⁴² Сам автор заключает этот диалог следующей сентенцией: "Какая противоположность просвещённого и невежественного народов", понимая под просвещёнными французов, а под невежественными – башкир⁴³.

Другой пример читаем в письме старшины 1-го Башкирского полка К. Темировича графу М. Платову, от "датируемом 8 сентября 1813 г., в котором башкиры просят принять тысячу рублей ассигнациями на восстановление Донского монастыря в Москве"⁴⁴.

Наличие в российской армии и армиях союзников в 1813–1814 гг. наряду с казаками башкир (20 полков), мишарей (2 полка), тептярей (2 полка), крымских татар (3 полка), астраханских калмыков (2 полка), ставропольских калмыков (1 полк) привело Наполеона к развёртыванию активной антироссийской пропаганды среди местного населения, которая опиралась на уже известный миф XVIII в. о российских "народо-людоедах". Это отметил адмирал А. Шишков, находившийся в свите императора Александра I и знакомый с французскими газетами того времени: "Между тем Наполеон... распускал, сказывают... глупые и смешные лжи. Об нас, русских, разглашал он, что мы варвары, дышущие злобой и мщением; что между нами есть дикие народы, которые жарят и едят малых ребят, что мы не имеем ни малейшего уважения к женскому полу и что ежели придём в их землю, то смешаем нечистую кровь свою с их чистой кровью и произведём в отечестве их варварскую породу людей.

⁴⁰ Возвышенное чувство (фр.).

⁴¹ Вильсон Р.-Т. Дневник и письма. 1812–1813 : пер. с англ. / Р.-Т. Вильсон. СПб. : ИНАПРЕСС, 1995. С. 74.

⁴² Оленин А. Н. Рассказы из истории 1812 года / А. Н. Оленин // Русский архив, 1868. М., 1869. Стб. 1995.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Перевод письма с башкирского языка к графу Матвею Ивановичу Платову от 1-го Башкирского полка старшины Кутлугельдея Темировича // Русский вестник 1814 года. 1814. Кн. 9. С. 64–66.

...Выходцы из Франции уверяют, что француженки не очень баснями их напуганы и что, напротив, многие из них любопытствуют увидеть их варваров и почитают не великою бедою, если чрез несколько времени будут вокруг их прыгать маленькие казаки и башкирцы... Прочитал я во французских ведомостях следующую небылицу, что "в каждый дом ставят по сороку и по пятидесяти казаков и башкирцов, которым всякой день надобно давать по целой бочке водки и вина!" Нелепая ложь рассмешила меня..."⁴⁵

До Франции слухи такого же содержания распускались Наполеоном и в 1813 г. в Германии. Для немцев башкиры представлялись каким-то необычным, ужасным нашествием, ожидание которого было невыносимо. Последующая встреча с башкирами приносила вместе со вздохом облегчения чувство некоторого разочарования. Так, в своём письме Д. Гензлер Б.-Г. Нибур упомянул как о важном событии факт появления в марте 1813 г. в Берлине калмыков и башкир: "Для детей началась прекрасная пора; казаки балагурят с ними и возят их верхом на лошадях. Прибыли также калмыки и башкиры, однако их осталось здесь немного. Сами казаки показывают их как необыкновенное зрелище"⁴⁶.

Основная модель различения в общении европейских с неевропейскими народами в эпоху Просвещения, как считает немецкий исследователь М. Кауфманн, представляла собой разделение мира на цивилизованную часть, с одной стороны, и нецивилизованную – с другой. Концепт "цивилизации" стал символом европейского самосознания, вокруг которого группировались, по мнению европейцев, в разной степени "звероподобные варвары", в том числе и "дикие азиаты", или "неиспорченные дети природы". В башкирах немцы видели либо "совсем азиатский народ ужасного облика", либо "весёлых и нестрашных детей природы"⁴⁷.

Священник Д. Бауке, который жил в Гарделегене, относился к первой группе немцев: "Казаки и башкиры привлекли к себе особое внимание своим своеобразием. <...> Их прожорливость и любовь выпить сделали их дорогими для наших кошельков, но не для наших сердец. Башкиры – скорее звери, чем люди, – явились нам ужасными обжорами, неумеренным потреблением брантвейна они пытались вознаградить себя за отсутствие кумыса. <...> Покрытые грязью и паразитами, они превратили чистейшие комнаты, в которых их разместили, в грязные пещеры; но они и не обижались, когда их высылали спать под открытое небо. Они превосходно владели луком, стрелами и копьями <...>, скакали на маленьких, по всей видимости очень выносливых конях, покрытых деревянными сёдлами, были одеты в лохмотья и постоянно напоминали

⁴⁵ Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, ведённые им во время пребывания его при блаженной памяти государя императора Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну / А. С. Шишков. СПб. : Тип. Имп. Рос. акад., 1831. С. 223–224, 249.

⁴⁶ Из письма Б.-Г. Нибура Доре Гензлер о вступлении русских войск в Берлин (22 февраля / 6 марта 1813 г.) / Б.-Г. Нибур // Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии : сб. док. М. : Наука, 1964. С. 91.

⁴⁷ Кауфманн М. Башкиры в Германии. Сообщения немецких современников периода наполеоновских войн 1813–1814 гг. / Маттиас Кауфманн // Ватандаш. 2013. № 7. С. 104.

нам частым повторением обрядов о том, что они были магометанами. У нас возникли обоснованные причины сомневаться в уместности их использования в войнах против благовоспитанных народов. Казалось, что в [армию] Александра, в гуманные устремления которого мы так охотно и твёрдо верим, они были включены только для того, чтобы мы видели, насколько глубоко в Азию простирается его скипетр, а также для того, чтобы дать этим полулюдям возможность ухватить несколько искр из более освещённых регионов и довести их на их мрачную родину. Пусть Гарделеген никогда больше не увидит казаков и башкир – ни в качестве друзей, ни, тем более, в качестве врагов"⁴⁸.

Ко второй группе немцев, восторженно относившихся к башкирам, принадлежит автор рассказа "Первые казаки в Зальцведеде", историк и поэт XIX в. Д. Данила: "Кавалерийская часть состояла из одного офицера и из татар, башкир, вооружённых только луками и стрелами, и нескольких <...> казаков, общей сложностью от двенадцати до двадцати человек. Эти чужие люди внушали настолько большое доверие, что кормилицы и матери давали им поднять детей к себе на лошадь, чтобы поцеловать"⁴⁹.

Общие настроения немецкого населения помогает понять рассказ жителя Лейпцига Л. Гусселя "Первые русские в Лейпциге", в котором описаны события марта 1813 г.⁵⁰: "Все сгорали от желания увидеть пользовавшихся дурной славой и внушавших страх казаков, которые, по описаниям французов, едва ли имели человеческий облик, и, поднявшись на башни, искали невооружённым и вооружённым глазом скачущих всадников. <...> Здесь присутствовали воины народов, никогда ранее не вступавших на европейскую землю, в чужих, невиданных доселе национальных одеждах и вооружении и с совершенно новыми для нас нравами и обычаями"⁵¹.

Описав необычность прибывших казаков и калмыков, автор обратил особое внимание на башкир. "Наибольшее волнение у всех вызвали башкиры, о которых можно было услышать самые невероятные вещи и которые, по слухам, имели только один глаз на лбу, длинные морды и огромные клыки вместо зубов. Простолюдины принимали за чистую монету сказки о том, что в самой России они передвигались не иначе как закованными в цепи и под сильной охраной, чтобы они не могли похищать на улице детей, возбуждавших в них плотоядные желания, и съесть их целиком, без остатка. Было совершенно точно известно, что в России все дома запирались, когда мимо проходила такая колонна. <...> Многие действительно не без ужаса восприняли известие о том, что завтра придут башкиры. Тем не менее весь город сбежался, чтобы посмотреть на этих странных существ <...>.

⁴⁸ *Bauke D.* Mittheilungen über die Stadt und den Landraethlichen Kreis Gardelegen / David Bauke. Stendal : Franzen und Große, 1832. S. 114.

⁴⁹ *Daneil J. F.* Die ersten Kosaken in Salzwedel / J. F. Daneil // Die Altmark. Ein Lesebuch / Hans H. F. Schmidt (Hrsg.). Rostock : Hinstorff, 1988. S. 119–120.

⁵⁰ *Hussell L.* Die ersten russen in Leipzig / L. Hussell // Kampf um freiheit. Dokumente zur zeit der nationalen erhebung. 1789–1815. / Herausgegeben von Friedrich Donath, Walter Markov. Berlin : Verlag der Nation, 1954. S. 323–331.

⁵¹ *Ibid.* S. 323, 325.

Каково же было удивление, когда увидели правильные черты лица и совершенно пропорциональное телосложение. На многих физиономиях, имевших большое сходство с китайцами, можно было видеть выражение добродушия <...>. Если не считать лука и стрел, смотреть, собственно говоря, было не на что. Выглядят они совершенно так же, как нерегулярные казаки, за исключением их головного убора, высокой шапки в форме сахарной головы, отороченной толстым меховым валиком, который можно было развернуть вниз, и тогда он доставал им до плеч. Они проехали через город так спокойно и естественно, словно не заметили вокруг себя ничего нового. Они редко останавливаются на квартирах, а устраиваются чаще всего на биваках. Вскоре мы с ними познакомились, и дети вертелись среди них, но ни один из них за это время не пропал"⁵².

Устойчивость стереотипов восприятия национальных войск формировала предвзятое отношение к башкирам даже у тех, кто их ни разу не видел. В этом отношении интересен текст воспоминаний французского полковника Шенка, который, попав в плен, находился в Саратове. Он зафиксировал в них эти представления-страшилки, которыми с ним, вероятно, охотно делились местные жители, желая поугубить француза, поскольку того, что он описал, на самом деле видеть никак не мог – башкирские полки не проходили через Саратов ни в 1812, ни в 1813–1814 гг. Через него могли пройти лишь башкирские команды, сопровождавшие в армию подаренных башкирами и мишарями лошадей.

Обратим внимание на текст: "В последнее время моего пребывания в Саратове я также имел удовольствие увидеть проходящими [через город] несколько башкирских полков. То, что преимущественно отличает этих людей, является их особенное пристрастие к чужой собственности, и эта их склонность настолько известна в России, что как только через город проходит полк башкир, то местный гарнизон тотчас же образует от одних ворот до других удвоенную шеренгу, чтобы никто из них не смог покинуть своего места. Их также уже достаточно знает население тех деревень, около которых квартируются эти опасные полулюди, и каждый крестьянин прячет и закапывает то небольшое, что он имеет, потому что в противном случае даже это небольшое они заберут с собой"⁵³. С башкирами нельзя договориться, поскольку они то ли люди, то ли полулюди, но почему-то опасность представлена склонностью к воровству. От них население спасают за строем солдат. Вероятно, за свою жизнь Шенк беспокоиться перестал, а вот за потерю собственности волновался и свои страхи вложил в описание мифического прохождения башкирских полков.

После взятия Парижа император Александр I разместил казаков и башкир в центре города, о чём писал современник: "1814 года 20 марта Елисейские поля. Там, где парижский щёголь подавал своей красавице

⁵² *Hussell L.* Op. cit. S. 331.

⁵³ *Шенк К. Хр. Л.* Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, о также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах / К. Хр. Л. Шенк / пер. с нем. Е. В. Ермасова : коммент. В. П. Тотфалушина // Доклады Академии военных наук. Саратов : Саратовский институт МВД, 2004. № 12. С. 95.

пучок новорождённых цветов и трепетал от восхищения, читая ответ в ласковых её взорах, стоит у дымного костра башкирец, в огромной засаленной шапке с длинными ушами и на конце стрелы жарит свой бифштекс⁵⁴. Это была прививка "азиатской угрозы", сделанная русским царём наполеоновской Европе, и она действовала довольно долгое время.

Можно считать, что итогом наполеоновских войн в общественно-культурном дискурсе европейцев стало активное мифотворчество в отношении народов России, расцветавшее на страницах мемуаров, в газетах и письмах. Произошло развенчание представления о "башкирах, едящих сырое лошадиное мясо и детей". Напротив, миф о "диких народах" расширился рассказами, правдивыми и вымышленными, о казаках и калмыках, причём "азиатские" черты, так сказать, "перешли" на казачество. Во многих текстах казаки, башкиры, калмыки выступают как нечто единое, дикое, нерегулярное, бешеное, опасное. В отношении образов башкир в рамках идеологии Просвещения сложились две модели: "дикие азиаты" и "варвары"; "дети природы", "добрые воины, освободители". Источником формирования мифов о нашествии "азиатских варваров", пережитом ветеранами Великой армии и жителями Европы, стали французы, частично немцы, поляки. Одновременно в Германии и особенно в Нидерландах появилась и сохраняется поныне историческая память о башкирах-освободителях. Кроме того, в памяти европейцев кочевники Юго-Востока России остались и интересным этнографическим феноменом, символом Востока, его иной культуры.

После наполеоновских войн тема "азиаты-казаки" в составе российской армии время от времени поднималась и мифологизировалась в связи с текущей политической ситуацией. В немецкой революционной листовке, выпущенной в Берлине и датируемой мартом 1848 г., она выглядела так: "Русские уже здесь! Смерть русским! Помните ли вы со времён освободительных войн наших друзей? Спросите своих отцов, дядей, тётушек, бабушек и дедушек, как великолепно эти наши друзья умели воровать и грабить, мародёрствовать и угонять. Помните ли вы ещё казаков на низких лошадях с высокими сёдлами, увешанных котелками, чайниками, сковородками, утварью из серебра и золота? Всюду, где они побывали, они оставляли за собой разрушение, вонь и насекомых. И эти казаки, башкиры, калмыки, татары и т.д. десятками тысяч горят скотским желанием вновь разграбить Германию и нашу едва рождённую свободу, нашу культуру, наше благосостояние, уничтожить, опустошить наши поля и кладовые, убить наших братьев, обесчестить наших матерей и сестёр и с помощью тайной полиции и кнута уничтожить любой след свободы, человечности и честности"⁵⁵.

Таким образом, ставшая сказочной тема поедания лошадиного мяса и детей сменилась более приемлемыми для понимания действиями: грабежом, воровством, мародёрством, убийством, насилием над женщинами – всё это для того, чтобы уничтожить немецкую свободу. "Азиатскость

⁵⁴ Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым / И. И. Лажечников. СПб. : Медицинская типография, 1820. С. 245.

⁵⁵ Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция. Каталог / под ред. Р. Рюрупа. Берлин : Аргон, 1992. С. 12. Текст № 1.

казаков, башкир, калмыков, татар" продемонстрирована в виде "скотского желания", которым они все "горят". Этнографичность и цивилизационное превосходство Просвещения сменились правовыми нормами и цивилизационным отторжением романтизма.

Следующее "воспоминание" мифа о "башкирах-азиатах" произошло во время Крымской войны, когда два полка башкир были направлены на защиту балтийского побережья от возможной высадки десанта противника. Оба полка дошли к началу апреля 1855 г. до Курляндии. Жители Либавы были так напуганы появлением "северных амуров", что просили командование не ставить башкир в самом городе, а разместить их по окрестным мызам. Как видим, память о наполеоновских войнах сохранилась, но, что интересно, в самом этом городе башкир в 1812–1814 гг. не было.

Командовавший сотней башкир, офицер армейской кавалерии Е. Гвоздиков отмечал, что среди местного населения о башкирах тогда носились различные слухи, однако в действительности оказалось, что "народ этот, по своей натуре, нрава кроткого и, вообще, тихий и послушный <...> и в бою с неприятелем, когда представился к тому случай, башкиры не были трусы и оказались пригодными в военное время для дела"⁵⁶.

Тем не менее эти "ужасные" слухи дошли до Британии, и один из журналистов-обозревателей войны не преминул упомянуть о восточных народах, раздув "курляндский страх" до состояния известной "горы": "На западную границу уже прибыло не только много казаков, но и значительное количество частей, состоящих из башкир, калмыков, киргизов, тунгусов и других монгольских народов"⁵⁷. Так британские СМИ в рамках пропагандистской войны использовали уже ставший традиционным приём "азиатской демонизации" российской армии.

А вот в самой России поход башкир вызвал иные настроения. В 1854 г. башкирские полки прошли через Самару. Местный журналист сообщает: "Затем мы простились с полком, пожелав ему от искреннего сердца благополучного пути и блестящих побед над врагами России. Проводив его, мы в семейных кружках рассуждали: вот какое пришло время, западные христиане отстаивают мусульман и из-за них воюют с Россией, а у нас и мусульмане с готовностью поднимают оружие на защиту Руси Православной, защищающей Христианство"⁵⁸.

В годы Первой мировой войны антирусская пропаганда в Германии с большим успехом использовала трансформировавшийся миф о "диких азиатах": "...И полуазиатские орды России заполонили цветущие немецкие поля. Они бесчинствовали хуже диких зверей. Целые деревни и города были охвачены огнём; по бегущему населению выпускались ружейные залпы; старики, женщины и дети были замучены азиатской грубостью до смерти... Это была культура, которую банды поджигателей и убийц

⁵⁶ Гвоздиков Е. Г. Башкиры в войну 1853–1856 гг. / Е. Г. Гвоздиков // Разведчик. 1898. № 399. С. 522–523.

⁵⁷ Это был сподвижник К. Маркса – Ф. Энгельс (*Энгельс Ф.* Армии Европы / Ф. Энгельс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1958. Т. 11. С. 476).

⁵⁸ Приём Башкирского полка в Самаре // Самарские губернские ведомости. 1854. 6 ноября.

мирного царя несли Западу; изуродованные тела, дымящиеся руины и развалины отмечали их путь"⁵⁹. Примечательно, что в данном тексте затейливо соединилась риторика памфлетов времён Фридриха и революции 1848 г., а вот конструкты, связанные с эпохой наполеоновских войн, оказались предусмотрительно опущены. Германия в ассоциативном ряду представляет Запад, а Россия – Азию.

Немецкий исследователь П. Ян отмечает, что в это время "дихотомия "немцы – русские" преимущественно выглядела как экзистенциальное противоречие между культурой и варварством, между "Европой" как носителем исторического прогресса человечества и "Азией" как местом безысторической стагнации"⁶⁰. Всё это ясно "иллюстрируется характеристиками русских как "казаков", "татар", "скифов", "монголов, "башкир" и т.д. приписыванием им происхождения из степей или Сибири, метафорическим именованьем "крысами" и "вшами", которые подлежат уничтожению"⁶¹. По его мнению, в формировании такого образа врага сыграли свою роль именно революция 1848 г. и образование гражданского общества в Германии, а к началу XX в. представление о русской неполноценности было в Германии распространённым явлением. Даже в школьных учебниках русские определялись как "полуазиаты"⁶². Эти страхи оказались пролонгированы, по мнению П. Яна, и после революции и Гражданской войны в России они были усилены Ноябрьской революцией в Германии. Теперь большевизму приписывалось одновременно еврейское и азиатское происхождение, и он мог быть остановлен только превентивной войной на уничтожение⁶³.

* * *

Подводя итог европейскому мифотворчеству XVIII – начала XX вв. относительно образов нерусских народов России, можно отметить следующее: миф о башкирах как представителях "диких народов" возник во второй половине XVIII в. на фоне войны. Значительное влияние на него оказала идеология Просвещения. В эпоху наполеоновских войн миф дополнился образами казаков и калмыков, обобщив русскую иррегулярную конницу (казаки и национальные войска). В то же время сформировалась историческая память о народах России – освободителях Европы от наполеоновского нашествия. Миф о "казаках-азиатах" постепенно трансформировался к началу XX в. в образ "полуазиатской орды", представляющей уже всю Россию. Основное воздействие на него оказала идеология романтизма, а в политическом отношении – Революция 1848 г. в Германии.

⁵⁹ Цит. по: Ян П. "Нечисть царей, нечисть врагов". Русская оккупация Восточной Пруссии 1914 г. в восприятии немецкой общественности / Петер Ян // Россия и Германия в XX веке : в 3 т. М. : АИРО–XXI, 2010. Т. 1 : Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. С. 180–181.

⁶⁰ Ян П. Указ. соч. С. 182.

⁶¹ Там же. С. 183.

⁶² Там же. С. 185–186.

⁶³ Там же. С. 188.

Наиболее массово он воздействовал на сознание европейцев в годы Первой мировой войны и в фашистской Германии.

Во второй половине XX в. миф об "азиатской угрозе", связанный с распространением коммунистической идеологии, был взят на вооружение странами Запада и направлен против внешней политики СССР. После 1991 г. он был бесосновательно перенесён и на Россию, всплывая в разных плоскостях медийного пространства и причудливо отражая страхи западных элит.

Ключевые слова: *миф – башкиры – иррегулярные войска – казаки – "азиатская" угроза – Россия.*

Keywords: *Myth – Bashkirs – irregular troops – Cossacks – "Asian threat" – Russia.*